

СВЯЩЕННИК
АЛЕКСАНДР
САТОМСКИЙ

ЩИТ ДАВИДА

ТОЛКОВАНИЯ ПСАЛМОВ,
ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ПРАВОСЛАВНОМ
БОГОСЛУЖЕНИИ

Александр Сатомский

**Щит Давида. Толкование
псалмов, используемых в
православном богослужении**

«Никея»

2025

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

Сатомский А.

Щит Давида. Толкование псалмов, используемых в православном богослужении / А. Сатомский — «Никея», 2025

ISBN 978-5-907984-86-8

Псалтирь — одна из книг, что более всего «на слуху» у православного христианина. Псалмами заполнено православное богослужение, они звучат на всех без исключения храмовых службах, включая самую главную — Божественную литургию. Псалмы, написанные более двух тысяч лет назад, до сих пор составляют основу нашего молитвенного правила. Настоящая книга поможет понять исторический, культурный и духовный смысл псалмов, использующихся в богослужениях Православной Церкви, и увидеть, почему псалмы были и остаются в центре молитвенной практики каждого христианина. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 22.09
ББК 86.3+86.372

ISBN 978-5-907984-86-8

© Сатомский А., 2025
© Никея, 2025

Содержание

Введение	7
Название Псалтири	9
Внутренняя хронология книги	10
О ремарках/надписаниях псалмов	11
О двух версиях Псалтири	13
Почему псалмов 150?	14
Глава 1	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Сатомский, свящ.
Щит Давида
*Толкование псалмов, используемых
в православном богослужении*

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р25-504-0070

© ООО ТД «Никея», 2025

© Сатомский А. С., 2024

* * *

*Ты, Господи, щит предо мною, слава моя,
и Ты возносишь голову мою. Гласом моим
взываю к Господу, и Он слышит меня
со святой горы Своей. Ложусь я, сплю
и встаю, ибо Господь защищает меня.*

Пс. 3: 4–6

*Во всем писании дышит благодать Божия,
но в сладкой песне псалмов дышит она
преимущественно. История наставляет,
закон учит, пророчествует, предвозвещает,
нравоучение убеждает, а книга псалмов
убеждает во всем этом и есть самая
полная врачебница спасения человеческого.*

Свт. Амвросий Медиоланский

*Псалмы молят о будущем, воздыхают
о настоящем, каются в минувшем,
радуются о благих делах, радость
Небесного Царствия предваряя.*

Блаженный Августин

Перед вами несколько лекций, прочитанных в 2021 году в рамках занятий в приходской воскресной школе для взрослых в храме Богоявления города Ярославля, где я и тружусь настоятелем.

Псалтирь – самый однозначный выбор библейской книги для чтения и разбора священником с приходом: очевиднее этого выбора лишь Евангелие. Причина в том, что Псалтирь – это наиболее регулярно используемый в нашей молитвенной жизни библейский текст. Но, при всей популярности, псалмы – текст ветхозаветный, сложный, отстоящий от нас достаточно

далеко в своем историческом и культурном контексте и поэтому, безусловно, нуждающийся в осмыслении, толковании. Этому я и хочу посвятить данную книгу.

Поговорим мы, конечно, не обо всех псалмах: комментарии на текст Псалтири достаточно распространены. Из святоотеческих стоит обратить внимание на гениальные «Беседы» на ряд псалмов святителя Василия Великого и толкования всей Псалтири свт. Афанасия Александрийского и блж. Феодорита Кирского, а из комментариев современных авторов я бы особенно выделил книгу «Живая Псалтирь день за днем» мудрейшего библеиста Владимира Сорокина, с которым мне посчастливилось разделять труды преподавания в колледже «Наследие». Мы же рассмотрим лишь те из псалмов, что используются за богослужением, что востребованы в рамках домашней молитвы: поговорим об их жанровой принадлежности и месте в Псалтири, упомянем их структурные особенности, а также попытаемся актуализировать их для нашей молитвенной жизни.

Введение

Псалтирь является основой абсолютно любого христианского богослужения. Она не только исключительно широко представлена в богослужении Православной Церкви – в богослужебных текстах всех остальных христианских Церквей и деноминаций псалмы и их мотивы находят свое отражение. Там мы встречаем как псалмы, читаемые целиком, так и цитаты, взятые из Псалтири, реминисценции и аллюзии, связанные с ней.

Почему в христианском богослужении псалмам уделяется такое большое внимание? Первое соображение касается не только Псалтири, но всего Ветхого Завета. Традиционному христианству принципиально важно было осознавать и демонстрировать идею, что новая община – наследница ветхозаветной, подчеркивать, что оно не возникло в вакууме, а является правопреемником откровений, данных древнему Израилю. В неортодоксальном, гностическом христианстве¹ была крайне популярна мысль о том, что Бог Ветхого Завета есть лишь demiург – ограниченный администратор-сотворец этого мира, подчиненный высшему Абсолюту и часто противящийся Ему. На практике это вело к презрению и отвержению Ветхого Завета – получалось, что истинный Абсолют долгое время был безучастен к судьбам собственного творения и лишь на определенном этапе включился в историю, ниспослав в мир, подвластный demiургу-Яхве, своего эмиссара – Ум (*греч.* «Нус») или Слово («Логос»), персонализированное в Иисусе. Христианство традиционное настаивает на ложности такого подхода. Согласно этой концепции, Бог вовлечен в историю человека и человечества, от Адама непрерывно присутствуя в ней. Более того, Он однозначно видит в этой истории смысл, она имеет Им определенные правила и движется по Им определенной логике, пусть и не всегда понятной Его творению. Этим связка между новозаветной Церковью и ветхозаветной общиной принципиально важна: она демонстрирует, что Бог от творения человека до дня сегодняшнего – Тот же. Одним и тем же Духом спрашивалось: «Адам, где ты?» (Быт. 3: 9) – и было сказано с креста: «Отче, прости им, они не знают, что творят» (Лк. 23: 34).

Отсюда следует второе соображение: так как Бог Ветхого и Нового Заветов один и тот же, для христиан приобретает значение не только учительный, но и молитвенный ветхозаветный опыт. Для общины Израиля Псалтирь была важным молитвенным сборником, стала она таковым и для Нового Израиля – Церкви.

Псалтирь можно условно назвать «ветхозаветным молитвословом». Ряд псалмов возникает непосредственно как личные молитвенные тексты, какие-то связаны с царским культом; некоторые происходят из недр общественного богослужения скинии и Храма. И при всем многообразии составляющих Псалтирь – в конечном виде сборник из примерно ста пятидесяти псалмов – четко подчинена нуждам и потребностям каждого верующего, то есть преподана не столько общине, сколько конкретному молящемуся.

Конечно, именовать Псалтирь «молитвословом» мы можем только с множеством оговорок. Хотя бы потому, что большинство верующих иудеев не могли иметь ее дома ввиду высокой стоимости рукописей. Выходом из этой проблемы было заучивание ряда псалмов наизусть. Мы до сих пор встречаем в наших общинах верующих, которые знают Псалтирь если не цели-

---

¹ Гностицизм – совокупность религиозно-философских движений эпохи позднего эллинизма (II в.), имевших следующие характерные черты: 1) дуализм, относящий творение материального мира и его историю к сфере деятельности злого начала, действующего независимо от воли трансцендентного и неведомого Бога; 2) идея о необходимости и возможности спасения, которое понимается как освобождение и возвращение в божественную реальность ее элемента, присутствующего в человеке и, таким образом, заключенного в мире материи; 3) концепция «знания» (гносиса, *греч.* γνῶσις) как необходимой для спасения совокупности космологических и антропологических представлений, имеющей сверхъестественное происхождение, сообщаемой посредством особого откровения и доступной только избранным (Православная энциклопедия. Том XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. – С. 628).

ком, то в серьезном объеме благодаря ее регулярному молитвенному чтению. И если сейчас это уходящий навык из-за избыточного доступа к текстам в книгах и гаджетах, то в древности, как иудейской, так и христианской, запоминание услышанных за богослужением текстов для большинства было единственной возможностью ими пользоваться самостоятельно. Но запоминание и использование должно быть связано с пониманием – уже у современников Христа возникали проблемы с восприятием древнееврейского текста, что уж говорить о нас.

Псалтирь – текст достаточно непростой: ранние псалмы в ней восходят к архаическому бронзовому веку. Самые древние тексты, на которые она опирается, относятся к XIII веку до Рождества Христова. Ряд исследователей считают, что некоторые из наиболее ранних псалмов соприкасаются в культурном поле с аналогичными угаритскими текстами. Удивительно – цивилизация, имя которой для нас уже ничего не значит, на самом деле опосредованно до сих пор оказывает влияние на нашу жизнь.

Название Псалтири

Псалтирь – термин греческий (ψαλτήριον), и происходит он от группы слов, которые означают игру на струнном инструменте. Это соотносится с ветхозаветными свидетельствами о том, что Давид – автор псалма как жанра – еще до того, как стал царем, был известен своим музыкальным талантом. Он аккомпанировал себе на струнном инструменте, когда пел.

Так в Септуагинте (перевод Ветхого Завета на греческий) и появляется термин «псалом» (III в. до Р. Х.). Впоследствии его начинает использовать Филон Александрийский – известный иудейский экзегет I века до Рождества: он говорит еще только о единичных текстах, то есть о конкретных псалмах. А уже веке в IV по Рождестве Христовом мы видим библейские кодексы, где собрание псалмов получает заглавие «Псалтирь».

С Масоретским текстом – Писанием на иврите – эта логика будет пересекаться лишь частично. Псалом здесь будет называться «мизмор», что значит «песня под аккомпанемент», а вот книга в целом – «Тегилим», то есть «Хваления».

Внутренняя хронология книги

Внутри Псалтири мы не увидим системной хронологии: редакторы, собиравшие псалмы, не ставили перед собой цели двигаться от ранних к поздним. Это отмечено классиком христианской экзегезы блж. Феодоритом Кирским: он говорит, что внутри Псалтири нет исторической последовательности и мы можем увидеть более ранним по счету псалом, повествующий о Давиде, а более поздним – псалом о Сауле, его историческом предшественнике.

Ряд библеистов, однако, считают, что первые псалмы написаны в более раннюю эпоху. Действительно, первый и второй псалмы – это богословское введение в Псалтирь, а последние пять, стопятидесятый особенно, – однозначный финал Псалтири, по которому она и получила название «Книга Хвалений». Темы боли, страдания, надлома, кризиса находятся преимущественно в первой части Псалтири, а чем дальше – тем сильнее начинает возрастать тема хвалы. Хвала звучит и в ранних псалмах, но там она интересно перемешана с непривычной нам этикой. Так, в псалме 22 говорится: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс. 22: 4). Это высокая патетика, но в качестве подтверждения своей мысли автор дает иллюстрацию, с нашей точки зрения, морально небезупречную. Он говорит далее: «Ты приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена» (Пс. 22: 5) – то есть автор не может наслаждаться благодатью Божией в одиночестве, ему нужны свидетели из числа врагов, чтобы они смотрели, стоя поодаль, и завидовали. Псалтирь – плоть от плоти и кровь от крови ветхозаветной этики, константой которой является принцип талиона (равного возмездия) – «око за око и зуб за зуб» (Исх. 21: 24). Понятно, что с позиции Нового Завета, как культурные наследники новозаветной этики, мы смотрим на это как на дикость.

В православной традиции для удобства чтения за богослужением Псалтирь делится на 20 кафизм (от *греч.* «кафисма» – «сидение»), но это вмененная сборнику структура. В нем самом наблюдается деление псалмов на пять групп (книг), что указывает на мысль редактора, соотносящего пять книг псалмов с Пятикнижием Моисея. Деление осуществлено с помощью четырех доксологических, то есть хвалебных, формул, которые помещены в псалмах 41 (41: 14), 72 (72: 18–19), 89 (89: 53) и 106 (106: 48). Псалмы 1–2 и 146–150 служат обрамлением всего сборника и не входят в эти пять книг.

О ремарках/надписаниях псалмов

Большинство псалмов имеет надписание, являющееся, скажем так, технической заметкой на полях, которая что-то должна сообщить тому, кто будет читать это, исполнять. Иногда ремарка бывает смысловой, укореняя псалом в историческом контексте, например, говорит, что он Давидов. Часто мы делаем отсюда ложный вывод, что псалом Давиду принадлежит, но речь не обязательно об этом. Надписание «мизмор ле Давид» с иврита может быть переведено и как «псалом Давидов», и как «псалом о Давиде». Оно означает, что псалом соотнесен с историей Давида: Давид может не являться его автором, но этот псалом – точно про него. Всю Псалтирь мы называем Давидовой достаточно условно: она содержит в себе ряд псалмов Давида и большой ряд псалмов совершенно других авторов. Ремарки же указывают как на возможное авторство, так и на основную тему того или иного псалма.

Псалмы сынов Кореевых – это тексты, авторство которых традиционно относят группе певчих Иерусалимского храма. Главная или как минимум проходящая как рефрен мысль в этих псалмах – о значимости Иерусалима, ценности Сиона и безусловной ценности Храма. О чем бы в них ни говорилось, авторы обязательно вернутся к Храму, никогда его из вида не упустят. Псалмы Асафовы, как предполагается созданные Асафом, придворным музыкантом из окружения Давида, посвящены совершенно другой тематике: здесь перед нами будет богословское и поэтическое осмысление истории Израиля – «священного прошлого».

Давидовы псалмы наиболее остры, эмоциональны. Среди них больше всего плачей, сетований, пожеланий всяческого «добра и блага» врагам после того, как вороны выключают их печень, и тому подобного. Это не удивительно: в них рассказывается история Давида, которая была очень своеобразной как до воцарения, так и после. В ней были и преследования царем Саулом, и организация убийства своего же военачальника Урии ради брака с его вдовой Вирсавией в начале царствования, и вооруженный, системный политический конфликт с собственным сыном Авессаломом. Как это ни странно, конфликт этот не привел Давида к озлоблению против сына: когда Авессалом погиб, тот принял исключительной длительности траур, пока его окружение не начало ему пенять на такое оплакивание. Перед нами не только царь, пророк, но и яркая, неоднозначная личность с крайне болезненной историей. В псалмах Кореевых сынов и псалмах Асафовых такой напряженности и боли практически никогда не будет – в них будет поэзия, богословие, ретроспекция, история.

Еще целый ряд псалмов не принадлежит перечисленным авторам и обозначен другими именами. Достаточно большой объем текстов Псалтири кроме завязки авторской имеет и завязку техническую – то есть указание на то, как псалом исполнять. Здесь перед переводчиками открывается бездна возможностей, потому что всякая техническая терминология – вещь очень своеобразная. Прошли даже уже не столетия, а тысячи лет, и что конкретно, на практике значил какой-либо термин, сказать очень сложно. Такая же проблема с переводом ветхозаветных названий. Имена растений и животных, созвездий и драгоценных камней в рамках последующей истории, культурного взаимодействия с другими народами, взаимопроникновения языков менялись десятки раз. Также и технические рекомендации, как исполнять тот или иной псалом, оставляют перед нами достаточно большой простор – иногда откровенно для фантазии.

Например, «Начальнику хора» – это вполне логичная ремарка: «Регенту обратить внимание, что надо делать». На греческий она переводится термином *τέλος*, и под ним имеется в виду «Совершителю» – тому, кто руководит процессом (пения), его совершает. Но *τέλος* имеет еще и значение «завершение», то есть финал, исполнение как «наполненность» и «конец». Поэтому, например, в славянском переводе мы получаем не «Начальнику хора», а «В конец». То есть в начале текста стоит ремарка «В конец» – и что с этим вообще делать, что хотел ска-

зять автор? На самом деле автор был вполне однозначен, а вот ступенчатый перевод с иврита на греческий, с греческого на славянский привел к тому, что произошла абсолютная инверсия смыслов и мы пришли к совершенно иным выводам. Более того, мы пытаемся их как-то осмыслить и дать им логическое, внятное, стройное объяснение, например, такое: «Так как наша молитва обращена к Богу, а Бог есть исполнение всего, то поэтому, конечно, этот текст написан словом „В конец“, потому что к Завершению Всяческих он обращен». Это абсолютная смысловая эквилибристика, но звучит убедительно. Чтобы в такие смысловые засады не попадать, нам нужно время от времени обращать внимание на то, что же написано в версии на иврите.

О двух версиях Псалтири

Псалтирь, как и большинство ветхозаветных книг, существует в двух версиях: на иврите (Масоретский текст, от «масорет» – «предание») и греческом (Септуагинта – «перевод семидесяти толковников»). Все переводы на другие языки осуществлены с одного из этих текстов или с обоих. Так, например, церковнославянский текст Псалтири восходит к греческой версии, а русский синодальный текст Псалтири – к версии на иврите, скорректированной с использованием Септуагинты, современный перевод Российского библейского общества осуществлен только с иврита.

Казалось бы, зачем нам вообще текст на греческом, ведь каждый перевод так или иначе искажает смысл оригинала? Такой вопрос о Ветхом Завете в версии Септуагинты задавал себе Мартин Лютер – отец Реформации. Когда он решил, что может и должен уйти от всех исторических напластований, которые со временем возникли в Католической Церкви, и прийти к «чистому» христианству, как его проповедовали Христос и апостолы, он сделал совершенно закономерный и, в общем-то, кажущийся оправданным вывод: текст Библии на латыни – перевод и интерпретация, его нужно отвергнуть в пользу Нового Завета на греческом – в этом виде он и написан апостолами – и Ветхого Завета на иврите – на нем писали пророки и Моисей. Так мы получили протестантский канон Библии, который на 11 книг короче, чем канон традиционных Церквей. Казалось бы, Лютер был совершенно прав, но есть нюансы. Проблема в том, что Септуагинта и Масора соотносятся друг с другом не как оригинал и перевод, а как два самостоятельных варианта текста. Септуагинта явно опирается на какой-то источник или источники, которые не дошли до нас на иврите (так называемые протомасоретские тексты), а не на Масору.

Эта рассогласованность источников Септуагинты и Масоры стала очевидна, когда нам открылась бездна кумранских свитков – почти тысяча рукописей, найденных в пещерах у Мертвого моря в середине XX века. В них мы находим примеры книг, сосуществующих в разных версиях: в одном кувшине содержится рукопись книги на иврите типа Септуагинты, а в соседнем – рукопись той же книги, близкая к Масоре. С Псалтирью – похожая история: и она обнаруживается в ряде разнящихся рукописей.

Проблема всей древней литературы в том, что до достаточно позднего периода ее тексты не знали привычного нам деления на стихи и главы. А в случае греческого языка – даже на слова! Текст латинский и греческий писался сплошную, и из этой череды букв образованный мог вычленишь слова, а не очень образованный – увы, не мог. Поэтому понять, где заканчивается один фрагмент произведения и начинается другой, в ряде случаев было проблематично. В том числе поэтому греческая и еврейская традиции, насчитывая в Псалтири 150 псалмов, разделяют их различно. Первые восемь псалмов совпадают, а вот 9-я греческая версия текста в масоретской версии на иврите делится на два произведения – 9-й и 10-й псалмы. Так возникает сбой в счете, который нормализуется лишь к концу книги, когда греческие 146-й и 147-й псалмы в версии на иврите составят единый 147-й и оставшиеся три псалма единодушно закончат сборник. Разница присутствует не только в нумерации, но и в начале и завершении – в границах отдельных псалмов. Поэтому, говоря о некоторых псалмах, мы будем вслед за масоретским текстом немного «заходить на территорию» следующего псалма.

Почему псалмов 150?

Важный момент относительно общей структуры книги – наличие почти дословно дублирующих друг друга псалмов. С точки зрения большинства библеистов, оно объясняется тем, что Псалтирь формировалась поэтапно. Видимо, в разное время, в разных средах появилось несколько блоков псалмов, которые впоследствии в рамках редактуры были объединены в целостное произведение: ввиду того что некоторые акценты в них различаются, редактор не посчитал возможным предпочесть одну версию другой. Так произошло с 13-м и 52-м псалмами. С нашей точки зрения, они почти идентичны, но в них используются разные имена Божии – «Бог» в 52-м и «Господь» в 13-м. Для нас Господь и Бог – это синонимы. Для автора текста разница огромна – это разница между нарицательным именем «Бог» – «Элохим» и «Господь», скрывающем в нашем переводе «личное имя» Бога – Яхве. Важно иметь в виду, что за каждым из этих имен стоит определенная традиция богословского интерпретирования. Получается, что, в общем-то, один и тот же текст с разным упоминанием имен получает совершенно разную богословскую окраску.

Хотя отдельные псалмы возникают в очень длительный период времени, сборник обретает нынешний объем примерно ко II веку до Р. Х. Псалом как жанр появился еще на страницах Книги Судей. Песни присутствуют в самых разнообразных ветхозаветных памятниках (Плач Иеремии, песнь пророка Ионы, песнь Иудифи и т. д.), и продолжает свое развитие эта жанровая форма далее в новозаветных гимнах.

Раввинистическая традиция на основании стиха «Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей» (Пс. 118: 164) говорит о семикратном восхвалении Бога в течение дня. Идея регулярности молитвенного предстояния присутствует во всех авраамических религиях: пятикратный намаз в исламе, наше богослужение часов, когда в конкретные моменты времени по логике мы бы должны так же предстать перед Богом, здесь – идея семикратности. Предполагалось, что семь псалмов – для молитвы в течение дня, сорок девять – на семь дней недели. Возможно, суббота предполагает большее обращение – отсюда появляется плюс один псалом в рамках каждой недели. Таким образом, под эту схему молитвы сформирован сборник: чтобы дать человеку прочесть три таких недельных цикла, что и составляет 147–150 псалмов.

Итак, перед нами большой, интересный и крайне значимый для нашей духовной жизни памятник, огромное место занимающий в православных богослужебных последованиях. О молитвенных воззваниях в нем я приглашаю начать разговор!

Глава 1

Жанры и литературные приемы псалмов

Взгляд на Псалтирь как на цельную книгу дает нам несколько искаженное ее восприятие – нам кажется, что в этом тексте сто пятьдесят примерно одинаковых, равнозначных фрагментов, чего-то вроде глав. На самом деле ситуация обстоит сложнее – перед нами сто пятьдесят разных произведений, каждое из которых вполне целостно и самостоятельно, и прямой связи, жесткой опосредованности между ними нет. Они были написаны из разных нужд, связаны с разными обстоятельствами. В некотором смысле Псалтирь – это молитвенный сборник на все случаи жизни. И разным случаям, очевидно, приличествуют разные жанры.

Так, тягостные обстоятельства жизни царя Давида чаще всего описываются в **псалмах-плачах**. Как правило, в них прослеживается вполне конкретная схема: жалоба – призыв Господа с описанием бедствия, постигшего героя, мольба о спасении и выражение доверия Богу и благодарности, потому что спасение уже ожидается (см. Пс. 6, 13).

Жанр плачей очень распространен в ближневосточной литературе. В Библии, кроме псалмов, он присутствует и как самостоятельное произведение (Плач Иеремии, посвященный падению Иерусалима²), и как часть исторических повествований. Так, в Книгах Царств рассказывается о том, как Давид переживал смерть своего ближайшего друга Ионафана и царя Саула (см. 2 Цар. 1: 19–27). Упоминание о плаче внутри исторического повествования указывает на распространенность данного жанра.

Очень близок к плачам жанр **псалмов-просьб** (см. Пс. 5, 17). В них просьба почти всегда соединена с указанием на собственную невиновность, также звучит развернутое описание бедствия, вспоминаются и враги, и друзья автора. Автор говорит о конкретной, вполне историчной беде, но делает это так общо, что его молитвенный опыт не замыкается на единичной ситуации, а очень легко может быть применен читателем к его собственным обстоятельствам.

Так работает далеко не всякий текст. Упомянутый Плач Иеремии, при всех своих достоинствах, не находится на слуху у среднестатистического христианина. Не потому, что он плох, а потому, что он очень ситуативен, завязан на конкретный исторический контекст. Читателю нужно осуществить большой труд, чтобы из этого контекста его вывести и применить к своей жизни. Плач Иеремии – про разрушение Иерусалима 586 года до Р. Х. Условно, для русских эмигрантов первой волны Плач Иеремии вполне мог соотноситься с личным духовным опытом (их вселенской катастрофой, потерей Родины). Как соотнести его с нашей актуальной действительностью до недавнего времени – большой вопрос.

Рядом исследователей плачи и просьбы рассматриваются как частные случаи самого древнего молитвенного жанра – **жалобы**. Для нашего внутреннего опыта соотнесенность просьбы, плача и жалобы с Богом очень понятна. Мы обращаемся к Нему наиболее прямо и полногласно в момент нужды, в момент какого-то чрезвычайного внешнего или внутреннего обременения, которое мы не в силах понести. Плач – это самый радикальный вариант молитвы, просьба – более мягкий.

Как правило, в плачах псалмопевец сетует на то, что подвергается угнетению от других людей, своих врагов, но допускает в оценке их действий важную двойственность. Он говорит о личных врагах, но хочет донести Богу, что эти недостойные люди – на самом деле и Божии враги тоже. И во втором пункте и кроется, по заверениям писателя, истинная причина враждебности этих злодеев к нему – ведь автор на стороне Бога!

---

² Подробное рассмотрение Книги Плач Иеремии – в моей книге «Свитки». См.: Сатомский Александр, свящ. Свитки. Современное прочтение знаковых текстов Библии. М.: Никея, 2023.

Бог не может быть здесь просто третейским судьей, говорит псалмопевец, Он – одна из сторон конфликта! При этом, как правило, враждебность Творцу заключена не в том, что злодеи грешат против культа – обижают Его священников или не приносят Ему положенных жертв. Врагом Бога можно быть, не только когда ты гресишь против Его собственности, но и когда гресишь против Его суверенности и вовлеченности в историю мира. Злодей – это циник: насмешник и нечестивец, не верящий в то, что Небесам вообще есть дело до земли. А раз так, то все позволено: «В надмении своем нечестивый пренебрегает Господа: „не възыщет“; во всех помыслах его: „нет Бога!“ Во всякое время пути его гибельны... уста его полны проклятия, коварства и лжи; под языком – его мучение и пагуба; сидит в засаде за двором, в потаенных местах убивает невинного... говорит в сердце своем: [забыл Бог, закрыл лице Свое, не увидит никогда]» (Пс. 9: 25–32).

Автор жалобы хочет указать, что зерно конфликта глубже, чем может показаться. Он как бы говорит: «между мной и моим врагом – разрыв из-за очевидных, простых причин, но за ними – мировоззренческая пропасть». Сам псалмопевец видит мир и действует в мире как часть замысла Божия, а его враги – как противники этого замысла. Рыдая, он указывает Богу на эту Его недостачу, на промах, призывая его исправить. Творение должно функционировать адекватно и вменяемо, и враги автора – противники Богу в устройении миробытия и апологеты противления Ему. Отсюда – призыв сделать участь их незавидной, чтобы всем видящим ее было неповадно следовать путями развратителей: «Ты видишь, ибо Ты зриаешь на обиды и притеснения, чтобы воздать Твоею рукою. Тебе предает себя бедный; сироте Ты помощник. Сокруши мышцу нечестивому и злему, так чтобы искать и не найти его нечестия!» (Пс. 9: 35–36).

Нужно заметить, что тема циника-насмешника как апологета нечестия достаточно тО.³ (хорошо раскрыта и в других книгах корпуса Писаний – «Kəṭūvīm» (כְּתוּבִים), Кетубим ранних Притч и Екклесиаста до не входящей в канон, но продолжающей его логику Премудрости Соломона авторы живописуют таких «хозяев жизни», привыкших брать от нее все и быстро. Злодеев глубоко оскорбляет сам факт существования праведника – это очевидная переключка с псалмами-жалобами: «Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания... Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его...» (Прем. 2: 12, 15). Отсюда и растет их ненависть: «... осудим его на бесчестную смерть, ибо, по словам его, о нем попечение будет» (Прем. 2: 20). Здесь мы можем вспомнить момент, когда распятому Христу бросают: «...если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него» (Мф. 27: 42).

Следующий жанр – это гимны, или псалмы хвалений. Именно по нему Псалтирь на-елвяоиврите именуется «Книга хвалений» – «תהלים» («Теһилим»). В некотором смысле их ние соотнесено с логикой нашей жизни – от плачей и просьб мы в итоге должны бы прийти к благодарению и хвале. В этой же логике, кстати, движется повествование в другой книге, наполненной гимнами, – в Откровении Иоанна Богослова: от мучеников, требующих отмщения (см. Откр. 6: 10), что для нас вмести́мо и понятно, до тех же мучеников, прославляющих и благодарящих Бога за все, произошедшее как в бытии мира, так и в их личной жизни, вплоть до мучений (см. Откр. 15: 3–4), что уже не столь понятно.

Важно, что в псалмах хвалы часто присутствует мотивационная часть – почему мы хвалим Бога – и каждый раз указываются конкретные данные Им блага. Дело в том, что в рамках нашего теоретического знания о Боге мы понимаем, что Он безусловно достоин хвалы, но если

³ Священное Писание в иудаизме делится на три крупных раздела: Тора («Закон» – Пятикнижие), Небиим («Пророки» – большинство исторических и пророческих книг) и Кетубим («Писания» – Псалтирь, Книга пророка Даниила, учительные книги).

каждому из нас стать своим внутренним Сократом и начать самому себе задавать вопросы «А за что я хвалю Бога?», «За что я Ему готов сказать спасибо?» – часто уже на втором-третьем загнутом пальце мы теряемся. Имея в виду эту нашу особенность, псалмы хвалений обычно указывают: хвалите Бога, «потому что»: Бог благ и вовек милость Его, Он извел наш народ из рабства, Он распростер небесный свод, Он дает солнцу светить над злыми и над добрыми. Достоин ли хвалы за это Бог? Безусловно, достоин, и не от абстрактного человечества, а от конкретного меня. Может быть, не в каждом личном обстоятельстве я могу благодарить Бога за свою историю, но даже тогда я готов благодарить за общие блага, которым причастен, – солнце и надо мною, не входящим в топ-10 самых добрых, все равно светит. Благодарю ли я за это Бога? Да!

Во введении мы упомянули, что в надписаниях псалмов часто обозначается не только авторство, но и главная тема псалма. Псалмы Давидовы в каком-то виде будут касаться истории Давида, а, например, в псалмах сынов Кореєвых будет говориться о значимости Сиона, Иерусалима и Храма, так как написаны они группой храмовых певчих. Итак, мы подошли к группе **псалмов Сиона** и **царских псалмов**. Они – узко ритуальные и «политически ангажированные»: про то, что Бог, сотворивший небо и землю, избрал подножием ног Своих, местом явления славы Своей вот этот город – Иерусалим, эту гору – Сион и этот храм – Бейт ха-Мидкаш. С точки зрения израильского народа, общины Яхве, это радикально важный тезис. Для более очевидного понимания – он выполняет такую же функцию, как в нашей культуре тезис про Святую Русь. Русь реальная отстоит от Руси Святой как земля от неба, но мы понимаем, что, несмотря ни на что, она – все-таки удел Богородицы, место просияния тысяч святых, многократного явления Божией славы... Какой отсюда мы делаем вывод? Не о том, как во время оно все было благочестиво, а «нынче – не то, что давеча». Бог-то неизменен, и, если Он в свое время считал возможным находиться с нами в отношениях и как-то нам благодетельствовать, значит, точно так же и сейчас Он находится и будет находиться с нами в отношениях и нам благодетельствовать. То есть если мы – это Святая Русь, то хорошо ли, плохо ли, бочком ли, на ступню ли ноги, но в общем в Царство Небесное мы как-то втешемся, как-то влезем, ввиду... см. пункты предыдущие.

Израиль находился в точно таком же заблуждении: коли это святая гора Сион, на которой Бог благоволил, чтобы был построен Ему храм, коли Он явил Себя в этом храме сошествием Шехины, проявлением Своего присутствия – понятно, не просто же так Он это сделал, – значит, Он видит за этим какую-то перспективу, можно жить дальше. Но, неприятная правда, все пророки будут говорить, что эта логика – ложная. Как мы вспоминаем: «Не надейтесь на обманчивые слова: „здесь храм Господень, храм Господень, храм Господень“» (Иер. 7: 4). То есть – «ну и что, что здесь Дом, не Мною ли сотворена вся вселенная, не вся ли она – Мой дом?». Гарантом связи с Богом является не отправление правильного культа (см. Ис. 1: 10–17) и даже – о ужас – не заслуги отцов (см. Иез. 18: 1–28). Гарант отношений – наличие этих отношений сейчас, поиск Бога всем сердцем (см. Иез. 18: 30–32) и соблюдение Его заповедей (см. Ис. 1: 16–20) – более ничего. Это важно иметь в виду и нам в том числе. Псалмы Сиона, скажем так, про святость и значимость народной святыни в космическом масштабе, но от переоценивания ее Бог предохраняет во множестве пророческих текстов.

Царские псалмы, как кажется, вполне просты – они живописуют царский быт: возведение на престол, вступление в брак и другие события в жизни царя и двора. Но очень рано они получают вторую перспективу – мессианскую. В каждый конкретный момент времени на престол Израильский восходит новый царь. Хороший ли он, плохой ли, но он – помазанник Бога, и как-то мы в ситуации его правления все равно живем, в том числе проживая ее и молитвенно. Но за всеми земными царями видна фигура безусловного Царя.

Безусловным и единственным истинным Царем Израиля является сам Бог. То есть Он не просто источник бытия как такового, Он источник и власти вообще, и властитель Изра-

ия. В исторических книгах очень сложно развивается идея оформления властных структур в Израиле. Бог хочет, чтобы лидер мог выбираться харизматически, как в эпоху судей, но Сам Он сохранял права абсолютного суверена над Своим народом. Итак, в мирное время Израиль живет в соблюдении заповедей – «конституции от Бога», а в иное – молится Богу, и Он воздвигает судью, «кризис-менеджера», по какой-то одному Ему известной логике.

Жить в такой подвешенности сложно, и Израиль приходит к желанию себе царя: отсутствие ярма меняет на стабильность. Бог идет навстречу – дает царя. Но, во-первых, Он видит в этом отступление от идеи прямой теократии, власти не священства, а Самого Бога. А во-вторых, Он предлагает и этот тип властвования на сходных условиях: Бог будет сувереном царя. И после установления династии Давида Яхве даст ему уникальные обетования: «...Я восставлю после тебя семя твое, которое произойдет из чресл твоих, и упрочу царство его. <...> Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном... И будет непоколебим дом твой и царство твое на веки пред лицом Моим, и престол твой устоит во веки» (2 Цар. 7: 12–16). Но все дальнейшие израильские цари были вполне себе обыкновенными людьми, иногда даровитыми, а иногда и вовсе бесталанными, а после разрушения Иерусалима войсками Навуходоносора II в 586 году до Р. Х. династия Давида и вовсе потеряла свой престол...

Но ведь обетование Бога – непреложно. Значит, Царю над Израилем – быть! Так начинает-намазоформироваться идея Мессии (от מָשִׁיחַ, *Mashiah* – «помазанник»), то есть уникального ника Израиля. Она очень рано начнет присутствовать и в текстах псалмов, или как минимум из них вычитываться. Так, в псалме про царский брак «предста царица одесную тебе, в ризах позлащенных одеяна преиспещрена» («стала царица одесную Тебя в Офирском золоте» [Пс. 44: 10]). Перед нами свадебная песнь, рождающаяся, возможно, из описания конкретного бракосочетания одного из царей Израиля (может быть, Ахава). Но вместе с тем Царь – Мессия, а Царица, дочь Тира, которая превозносится в тексте псалма, в нашей экзегезе часто интерпретируется то как Богородица, то как Церковь. Хотя исторически, возможно, это – Иезавель, самая ужасная из цариц Израиля, которая гнала пророка Илию, наводнила страну почитанием Ваала и завела институт его жрецов, платя им из царской казны. Таким образом, разрыв между прямым смыслом и экзегезой – грандиозный.

Значит ли это, что это прочтение, эта экзегеза неправильная? В данном случае – не значит. Это свидетельствует лишь о том, что с определенного этапа мессианский образ начинает жить свою жизнь. Условно – матрица текстов пророков, которые про Мессию говорят, как бы накладывается на матрицу псалмов и оставляет на ней свой отпечаток. С какого-то момента мы больше не можем смотреть на этот псалом как только на псалом про Ахава и Иезавель. Мы слышали Исаию, мы читали других пророков – и теперь мы все равно видим здесь уже совсем другую сумму образов: данную через пророческую перспективу. Убирать ее отсюда в угоду сухому, буквальному восприятию – это будет неправильно.

Последний из жанров псалмов – это **псалмы премудрости**. Они очень оригинальны внутри Псалтири. Это даже не молитва в прямом смысле слова, а скорее медитация (от *лат. meditatio* – «размышление») в классическом смысле слова, не имеющем ничего общего с «запросами во Вселенную». Псалмы премудрости – это молитвенное размышление над тем же блоком вопросов, которые рассматриваются в учительной литературе Ветхого Завета. Но в учительных книгах это развернутое теоретизирование, направленное в сторону социума, а псалмы – размышление, обращенное к Богу. В Екклесиасте, например, человек ищет ответы в своем уме и опыте, а в псалмах он в молитве поворачивает само вопрошание в сторону Творца.

Как самый острый, больной нерв, к Богу тут обращены вопросы про смерть и несправедливость – «Господи, а почему?..». Ответов они, как правило, не содержат. Как не содержит их и учительная литература: обостренных вопросов в ней целый пласт, а ответы практически не озвучиваются. Самый яркий озвученный – это ответ, данный в Книге Иова, но это ответ от опыта: Иову на всю огромную пережитую боль и страдания и на вопрос, обращенный к Богу,

Бог не объясняет, что это происходит «потому что». Он вообще ему ничего особенного не говорит, Он является ему Сам, и уже это становится для Иова радикальным ответом, снимающим его вопросы: «Выслушай, взывал я, и я буду говорить, и что буду спрашивать у Тебя, объясни мне. Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 42: 4–6). О том же говорит и Христос в Евангелии: «... в тот день вы не спросите Меня ни о чем» (Ин. 16: 23). Сложно сказать, что имеется в виду: мы не спросим ни о чем, потому что мы получим бездну понимания, увидим, как все было задумано и реализовано от начала до конца, или же потому, что единство с Богом, присутствие Божие снимет этот вопрос, то есть он станет безынтересным. Здесь мы сказать ничего не можем, этого опыта мы не имеем, но перспектива может быть и одна, и другая.

После указания на жанры позвольте еще пару слов про основные литературные ходы, которые используют авторы псалмов. Их целый ряд, но, наверное, самым очевидным является **параллелизм**. Эту особенность замечал каждый читатель Псалтири: автор почти всегда ходит вокруг одной и той же мысли несколько кругов. Например: «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс. 33: 2) – что это, как не одна и та же мысль? «Я всегда благословляю Бога» и «я хвалю Бога непрестанно» – это же одно и то же. Параллелизм – один из самых популярных приемов ближневосточной литературы: он не уникален именно для Псалтири или Ветхого Завета, а характерен для ближневосточных текстов в целом. В нем проявляется ментальность жителей этой местности: они не пытаются, как греки, объяснить, чем объект «А» отличается от объекта «Б», определить все его базовые качества и свойства, для этого его препарировать. Их подход подчеркивает разные грани явления, показывает его с нескольких сторон, давая понять, что оно не одномерно. И, например, одна и та же хвала может играть оттенками. Ветхий Завет в принципе слабо соотносится с греческими системами мысли, и тот маневр, который сумела осуществить впоследствии культура, – ввести Ветхий Завет в парадигму античной мысли – очень интересный. Сами пророки, наверное, сильно бы удивились, когда о них стали бы говорить на языке Платона и Аристотеля: как минимум потому, что они в этих категориях даже не думали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.